

ЗА БОЛЬШЕВИСТСКИЕ ТЕМПЫ

Орган Полевского райкома ВКП(б) и райисполкома Свердловской области

Социалистическое соревнование в ответ на призыв товарища ОРДЖОНИКИДЗЕ

НЕБЫВАЛЫЙ РЕКОРД

Забойщик Красногорского прииска Путилов Василий Павлович во 2-ю смену 26 января с-г. в ответ на призыв тов. Орджоникидзе выдал на -гора золотосодержащих песков 78,32 кбм. при норме 9,7 кбм. или 808 проц. на одного забойщика. Работу производил в 13 забоях. Каталя выполнили сменное задание от 206 до 328 проц. НЕФЕДОВ.

Артель Чипуштанова досрочно выполнила январский план

На участие Медвежка артель Чипуштанова работает в количестве 38 человек, хорошо поставила свою работу, в артели усерднейшим образом конный приемник для подвоя песков, хорошо оборудовано и промывальное устройство.

В результате чего артель заданную им программу на январь месяца еще 16 января выполнила по металлу на 107 проц. и по кубажу 70 проц.

Артель январскую программу как по металлу, так и по кубажу перевыполнила.

А. Глинских.

Буря народного гнева

Уничтожить троцкистских мерзавцев!

По всем цехам Полевского райпромкомбината идут митинги рабочих с вопросом обсуждения обвинительного заключения по делу троцкистской банды диверсантов, вредителей и изменников родины.

Великим гневом и ненавистью к врагам народа полны выступления рабочих, работниц и служащих.

Троцкисты—изменники родины, трижды проклятые мерзавцы и прислужники гестапо в море крови пытались потопить великую страну Советов—отечество трудящихся всего мира.

Рабочие единогласно требуют от Верховного Суда применения к изменникам и шпионам высшей меры наказания—расстрел.

Рабочие обязуются поднять еще выше революционную бдительность, особенно на нашем предприятии, так как троцкистские последыши у нас были и остатки их надо выявлять и предавать пролетарскому суду.

Вопреки классовым врагам, которые стоят сейчас перед пролетарским судом, рабочие комбината решили ответить выполнением производственной программы за 1937 год, к 20-й годовщине Октябрьской революции, ежечасно борясь за высокое качество продукции.

По поручению собрания
К. Иванов.

Раздавить гадину!

Проработав заключительное обвинение по делу параллельной троцкистско-зиновьевской группы, мы, учащиеся и инструкторско-педагогический состав школы ФЗУ Полевского Криолитового завода, просим Верховный Суд Военной Коллегии СССР дать высшую меру наказания—расстрел предателям социалистической родины, шпионам, которые старались подрывать ведущие отрасли промышленности народного социалистического хозяйства, которые хотели вырвать сердце большевистской партии вождя

народов тов. Сталина.

В ответ на вылазку классового врага, предателя социалистической родины, обязуемся еще больше развернуть большевистскую классовую бдительность против диверсантов советской власти и еще лучше овладеть теоритическими знаниями с дисциплинированным применением их в прогрессивной технике нашей родины.

По поручению общешкольного собрания: Ушаков, Тесловских, Суслов.

Смерть презренным предателям родины!

С чувством огромного возмущения и ненависти к шайке троцкистских мерзавцев прослушав обвинительное заключение собрания учителей Полевского завода.

Ненавидимые советским народом троцкисты хотели вернуть капиталистов и помещиков, хотели вновь надеть на трудящихся СССР ярмо капиталистической эксплуатации, хотели затопить в крови народа первую социалистическую родину в мире.

Но троцкисты, действовавшие по указке германских и японских фашистских сил, просчитались. Они не способны приостановить могучее

поступательное движение социализма в СССР.

В ответ на гнусные деяния фашистов, мы, учителя Полевского завода, ответим еще лучшей работой по воспитанию нашего прекрасного поколения.

Научим наших учащихся любить нашу прекрасную родину, наших вождей и тов. Сталина.

Научим ненавидеть подлых подонков общества, стремящихся навязать нам рабство капитала.

Троцкисты наймиты фашизма должны понести заслуженную кару—расстрел.

По поручению собрания:
Ялунина и Калинин.

Процесс антисоветского троцкистского центра

Продолжение допроса подсудимого Пятакова

(Окончание Нач. см. в № 12)

К этому времени Троцкий уже получил письмо Радека, и он был особенно возбужден. Во время беседы он меня прерывал, бросал всякие ехидные словечки и реплики насчет примиренчества, непонимания обстановки, вроде: «живете по-старинке», и всякие такие колкие слова, проявляя явные признаки недовольства. Когда дело дошло до вредительства, он разразился целой филиппикой, бросал колкости вроде того, что «не можете оторваться от сталинской пуповины, вы принимаете сталинское строительство за социалистическое».

Тут же очень резко, отчетливо и ясно сформулировал он свою позицию относительно вредительства. Троцкий говорил, что военное столкновение и поражение СССР неизбежно, и ежели мы будем относиться к этому пассивно, то в руинах сталинского государства погибнут и все троцкистские кадры. Именно поэтому он считает, что вредительский метод совершенно неизбежен, он вытекает из самой сущности троцизма.

Он сказал, что война, по его мнению, на носу, что речь идет о 37-м годе. Очевидно информация эта была не собственным его изобретением. Что касается международной обстановки, то речь шла о том, что реальными силами являются, в первую очередь, фашисты, и с этими силами надо установить связь и обеспечить благоприятное к себе отношение на случай прихода к власти. Он упрекал нас, что мы недостаточно энергично занимаемся диверсионной, вредительской и террористической работой, и сказал, что договорился совершенно определенно с фашистским германским правительством и с японским правительством о благоприятном отношении на случай прихода троцкистско-зиновьевского блока к власти. Тут он мне сказал, что он вел довольно длительные переговоры с заместителем председателя германской национал-социалистической партии—Гессом.

Это соглашение сводилось к тому, что немецкие фашисты обещают троцкистско-зиновьевскому блоку благоприятное отношение и поддержку в случае прихода блока к власти как в военное время, так и до войны. За это фашисты получают нижеследующую компенсацию: общее благоприятное отношение к германским интересам, к германскому правительству во всех вопросах международной политики: известные территориальные уступки, в частности, речь шла о завуалированной форме территориальных уступок, которая именовалась «непротиводействие украинским национально-буржуазным силам в случае их самоопределения».

Из показаний Радека выясняется, что в партию он вернулся двурушником и вскоре после возвращения из ссылки восстановил свои троцкистские связи и по коренным вопросам политики продолжал при-

Вышинский:—Что это означает?

Пятаков:—Это означает, что, если немцы посадят свое украинское правительство—троцкистско-зиновьевский блок этому не будет противодействовать. По существу это означало расчленение СССР.

Следующий пункт соглашения касался того, в какой форме немецкий капитал получит возможность эксплуатации в СССР необходимых ему сырьевых ресурсов—золотых рудников, нефти, марганца, леса, апатитов и т.д.

Вышинский:—А насчет диверсионных актов на случай войны?

Пятаков:—В случае военного нападения диверсионная вредительская работа, которая ведется троцкистско-зиновьевской организацией в СССР, должна вестись по указаниям Троцкого, которые должны согласовываться с немецким генеральным штабом.

В конце беседы вышел у нас такой разговор. Приход к власти буд означало, что мы должны сильно отступить по направлению к капитализму. В этой связи Троцкий говорил, что по сути дела у нас одна программа с правыми, поскольку правые приняли диверсионно-вредительскую программу и считают, что надо отступить к капитализму.

Вышинский:—Итак, что нового вам сказал Троцкий в 1935 г.?

Пятаков:—Новое, если хотите, было сформулировано в достаточной мере отчетливо: троцкистская организация по существу превращается в придаток фашизма.

Вышинский:—Теперь я хочу вас спросить относительно вашей преступной деятельности в области организации террористических актов. В чем это конкретно выразилось?

Пятаков:—Прежде всего, это организация террористических групп в Западной Сибири для убийства Эйхе.

Вышинский:—Еще для какой цели они организовались в Западной Сибири?

Пятаков:—В Западной Сибири была попытка покушения на Молотова, на Украине—на Косиора и Постышева. На Украине были разговоры с троцкистами о переброске украинских троцкистских террористических кадров в Москву.

Вышинский:—Для какой цели в Москву перебросить?

Пятаков:—Для совершения террористических актов.

Вышинский:—Против кого?

Пятаков:—Против руководителей партии и правительства: Сталина, Молотова, Кагановича, Ворошилова, Орджоникидзе... Речь шла о более или менее одновременном совершении террористических актов. Троцкий на этом особенно сильно настаивал.

Вышинский:—Речь шла также и относительно Закавказья?

Пятаков:—Да. Речь шла и относительно закавказских террористов. Серебряков говорил с Мдивани о том, чтобы в случае необходимости перебросить в Москву закавказских троцкистских террористов.

Вышинский (к Серебрякову):—Вы подтверждаете это показание Пятакова?

Серебряков:—Да. Это предвиделся террористический акт на Ежова.

Вышинский (к Пятакову):—Кто действовал непосредственно под вашим руководством в Москве?

Пятаков:—В Москве непосредственно под моим руководством действовала группа Юлина, куда входили Аскольдов, Докучаев, Колосков.

Вышинский:—Что она ставила своей задачей?

Пятаков:—Убийство Сталина и Кагановича.

Вышинский:—И вы непосредственно этим руководили?

Пятаков:—Да, непосредственно, как член центра.

Вышинский:—Еще что?

Пятаков:—Затем мне были известны террористические группы, которые были связаны с Сокольниковым и Радеком. Одна группа—Закс-Гладнева и Тивеля, связанная с Сокольниковым, и другая группа—Пригожина, которая была связана с Радеком. Кроме того, мы все время предполагали вызвать Дрейцера сюда, так как нам было известно, что у него есть террористические связи.

Вышинский:—Вы относительно Дрейцера с кем-нибудь разговаривали?

Пятаков:—Я разговаривал с Радеком.

Вышинский (к Радеку):—Скажите, был у вас разговор относительно Дрейцера?

Радек:—В июле 1935 был разговор. Когда мы в первый раз собрались после убийства Бирова, то встал вопрос о том, что бессмысленно убивать единицы. Это не даст никакого политического результата, а даст лишь разгром организации. Надо поэтому выяснить точно, есть ли силы для серьезных действий или нет этих сил?

Вышинский:—Так я вас понимаю: мало убить товарища Бирова, а надо еще убить других?

Радек:—Или надо отказаться от террора, или приступить к серьезной организации массовых террористических актов, что поставило бы вопрос о приближении к власти.

Вышинский:—Больше вопросов у меня нет. Я прошу вызвать для допроса свидетеля Бухарцева.

Утреннее заседание 24 января

Допрос подсудимого Радека

держиваться троцкистских взглядов.

Вышинский:—С кем из троцкистов вы сохранили связь?

Радек:—Я был связан дружбой с Мрачковским, был связан старой дружбой с И.Н. Смирновым, связан

с Дрейцером, с его ближайшим помощником Гаевским, не говоря уже о моих старых личных друзьях, с которыми я был связан,—с Пята-

Продолжение см. на 2 стр.

Процесс антисоветского троцкистского центра

Продолжение допроса подсудимого Радека

ковым, Преображенским, Смилгой, Серебряковым.

Вышинский.— Это было в 1930—31 году?

Радек.— Да это было в 1930—1931 году. Уже тогда, в 1931 г., я переоценивал силу сопротивления кулачества, испугался затруднений и стал таким образом отражением враждебных пролетариату сил.

Вышинский.— Когда вы узнали о существовании и деятельности объединенного центра?

Радек.— Я узнал о возникновении его в ноябре 1932 года.

Вышинский.— От кого?

Радек.— Предварительно о том, что готовится, я узнал из письма Троцкого ко мне в феврале—марте 1932 года. О самом факте возникновения организации я узнал от Мрачковского в ноябре 1932 года.

Вышинский.— Что же Троцкий вам тогда писал?

Радек.— Троцкий примерно говорил: «вы должны учесть опыт предыдущего периода и понимать, что нет у вас возврата к старому, что борьба вошла в новый фазис, и что новое в этом фазисе состоит в том, что или мы будем уничтожены совместно с Советским Союзом, или надо поставить вопрос об устранении руководства». Слово террор не было брошено, но когда я прочел «устранение руководства», то мне стало ясно, о чем Троцкий думает.

Вышинский.— Как вы приняли это письмо?

Радек.— Приблизительно к концу сентября или октября 1932 г. я принял решение о возвращении на путь борьбы. Произошел разговор между мною и Мрачковским, которому я сказал: «Я решил идти с вами совместно». В свою очередь, я спросил его, как они себе представляют борьбу, и как далеко продвинулось дело сближения с зиновьевцами.

Вышинский.— Что вам ответил Мрачковский?

Радек.— Он ответил совершенно определенно, что борьба вошла в террористическую фазу, и для реализации этой тактики мы теперь объединились с зиновьевцами и возьмем за подготовительную работу.

Как показывает затем Радек, Мрачковский сказал ему, что на случай провала объединенный центр хочет сохранить Радека, Пятакова, Серебрякова для руководства в дальнейшем антисоветской борьбой. Далее Радек признает, что ему задолго до убийства Кирова было известно о подготовке к этому покушению со стороны зиновьевцев. Такое же покушение готовили и троцкисты, причем здесь виднейшую роль играл сам Радек, выдвигнувший для организации террористической группы в Ленинграде Пригожина. Знал он и о том, что общее руководство террористической деятельностью у зиновьевцев осуществлял Бакаев, как Мрачковский в организации троцкистов, а в Москве руководил Рейнгольд.

Вышинский.— Что вам известно о террористической деятельности других групп?

Радек.— Я знал в 1934 году о формировании группы под руководством Фридлянда. Заместитель Дрейцера Гаевский меня известил, что формируется группа серьезных людей, что она теперь не будет действовать, а это будет резерв на случай провала. Пятаков сказал о том, что украинский центр—он

назвал Коцюбинского, Голубенко и, кажется, Логинова—формирует террористическую группу, которая будет действовать против руководителей Коммунистической партии и советского правительства Украины.

Что касается сибирской группы, то Пятаков мне сказал, что она там формируется, как будто называл при этом и фамилию Муралова.

Кроме этого, он говорил, что в Туле возникла или возникает какая-то террористическая группа...

Вышинский.— Пятаков назвал вам фамилии?

Радек.— Он не назвал фамилий руководителей, но сказал, что эта группа связана с Дитяевой. Кроме того, мне значительно позже, в 1935 году, было известно о формировании Белобородовым группы в Ростове-на-Дону. Было также известно, что Мдивани сформировал группу. В 1935 году я узнал о зиновьевской группе, это была группа Закса-Гладнева, с которой был связан в Москве этой сотруднице Тивель.

Вышинский.— Какие можете назвать конкретные факты о связях с группой вы?

Радек.— У меня была связь только с Бухариным. Томского я видел только в 1934 г., когда он говорил в очень острой форме о внутри-партийном положении.

Вышинский.— Какие у вас были разговоры с Бухариным?

Радек.— Если это касается разговоров о терроре, то могу перечислить конкретно. Первый разговор был в июне или в июле 1934 г. после перехода Бухарина для работы в редакцию «Известий». В это время мы с ним заговорили как члены двух контактирующих центров. Я его спросил: «Вы встали на террористический путь?». Он сказал: «Да». Когда я его спросил, кто руководит этим делом, то он сказал об Угланове и назвал себя, Бухарина. Во время разговора он мне сказал, что надо готовить кадры из академической молодежи. Технические и всякие другие конкретные вещи не были предметом разговора с нашей стороны. Мрачковский при встрече пытался поставить этот вопрос Бухарину, но Бухарин ему ответил: «Когда тебя назначат командующим всеми террористическими организациями, тогда тебе все на стол выложим».

Вышинский.— Дальше какие у вас были разговоры?

Радек.— Дальнейшие наши разговоры касались политических последствий убийства Кирова. Мы пришли к убеждению, что это убийство не дало тех результатов, которых от него могли ждать организаторы убийства. Оно не оправдало себя, не было ударом по ЦК, не вызвало сочувствия в народных массах, как рассчитывали троцкисты-зиновьевцы, а, наоборот, дало объединение народных масс вокруг ЦК, оно привело к аресту большого количества зиновьевцев и троцкистов. Мы уже тогда сказали себе: или этот акт, как результат тактики единичного террора, требует окования террористической акции, или он требует идти вперед к групповому террористическому акту. Бухарин мне сообщил, что у них в центре многие думают, что было бы легкомыслием и малодушием на основе результатов убийства Кирова отказываться вообще от террора, что, наоборот, нужно перейти к планомерной, продуманной, серьезной борьбе, от

партизанщины—к планомерному террору. По этому вопросу говорил в июле 1935 года и с Бухариным, и с Пятаковым, и с Сокольниковым.

Вышинский.— Придя к заключению о том, что необходимо перейти к групповому террору, вы приняли какие-либо меры к тому, чтобы эту борьбу организовать?

Радек.— Принял, поставил в июле 1935 года сначала перед Пятаковым, а после в разговоре перед Сокольниковым вопрос: мы продолжим борьбу или ликвидируем ее?

Вышинский.— Каков был ответ?

Радек.— Ответ был: «Продолжаем».

При дальнейшем допросе выясняется, что троцкистским центром предпринимались с этой целью попытки объединить руководство террористическими группами. Руководителем их намечался Дрейцер.

Вышинский.— Подсудимый Радек, сообщите, пожалуйста, суду о содержании вашей переписки с Троцким, касающейся вопросов, если можно так выразиться, внешней политики?

Радек.— У меня было три письма Троцкого: в апреле 1934 года, в декабре 1935 года и в январе 1936 г. В письме от 1934 года Троцкий ставил вопрос так: приход к власти фашизма в Германии коренным образом меняет всю обстановку. Он означает войну в ближайшей перспективе, войну неизбежную. Троцкий не сомневается, что эта война приведет к поражению Советского Союза. Это поражение, писал он, создает реальную обстановку для прихода к власти блока, и из этого он делал вывод, что блок заинтересован в обострении столкновений. Троцкий указывал в этом письме, что он установил контакт с неким дальневосточным и неким средне-европейским государствами, что он официальным кругам этих государств открыто сказал, что блок стоит на почве сделки с ними и готов на значительные уступки и экономического и территориального характера. Он требовал в письме, чтобы мы в Москве использовали возможность для подтверждения представителям соответствующих государств нашего согласия с этими его шагами.

Через Ромма, который в мае уезжал за границу, я послал Троцкому письмо, в котором сообщил о получении его директивы и о том, что мы между собой сговорились не выходить в наших шагах здесь дальше завизирования его мандата на переговоры с иностранными государствами. Кроме того, я добавил: не только мы официально, как центр, но я лично одобряю то, что он ищет контакта с иностранными государствами.

Вышинский.— Это было в мае 1934 года?

Радек.— Это было в мае 1934 года. Осенью 1934 г. на одном дипломатическом приеме известный мне дипломатический представитель средне-европейской державы присел ко мне и начал разговор. Он сказал: «Наши руководители (он это сказал конкретнее) знают, что господин Троцкий стремится к сближению с Германией. Наш вождь спрашивает, что означает эта мысль господина Троцкого? Может быть, это мысль эмигранта, когда ему не спится? Кто стоит за этими мыслями?»

Ясно было, что меня спрашива

ют об отношении блока. Я сказал ему, что реальные политики в СССР понимают значение герmano-советского сближения и готовы пойти на уступки, необходимые для этого сближения. Этот представитель понял, что раз я говорил о реальных политиках, значит есть в СССР реальные политики и нереальные политики: нереальные, это—советское правительство, а реальные, это — троцкистско-зиновьевский блок. И понятен был смысл того, что я сказал: если блок придет в власти, он пойдет на уступки для сближения с вашим правительством и со страной, которую оно представляет. Давая этот ответ я понимал, что совершаю акт, не допустимый для гражданина Советского союза.

Вышинский.— Между апрелем и ноябрем 1934 года были у вас на темы, связанные с этим письмом Троцкого, разговоры с другими членами центра?

Радек.— Я информировал об этом Пятакова, Сокольникову, Серебрякова.

Вышинский.— Какие вопросы стояли в письме?

Радек.— Победа фашизма в Германии, усиление японской агрессии, неизбежность войны этих государств против СССР, неизбежность поражения СССР, необходимость для блока, если он придет в власти, идти на уступки.

Вышинский.— Значит, вы были заинтересованы в ускорении войны и заинтересованы в том, чтобы в этой войне СССР пришел к поражению?

Радек.— Мы были заинтересованы в поражении.

Пятаков, Сокольников и Серебряков на вопрос государственного обвинителя об их отношении к поражению ответили, что они разделяли позицию пораженчества.

Вышинский. (к Радеку).— Вы сказали, что было и второе письмо — в декабре 1935 г. Расскажите о нем.

Радек.— Если до этого времени Троцкий там, а мы здесь, в Москве, говорили об экономическом отступлении на базе советского государства, то в этом письме намечался коренной поворот. Ибо, во-первых, Троцкий считал, что результатом поражения явится неизбежность территориальных уступок, и называл определенно Украину. Во-вторых, дело шло о разделе СССР. В-третьих, с точки зрения экономической он предвидел следующие последствия поражения: отдача не только в концессию важных для империалистических государств объектов промышленности, но и передача, продажа в частную собственность капиталистическим элементам важных экономических объектов, которые они наметят. Троцкий предвидел облигационные займы, т.-е. допущение иностранного капитала к эксплуатации тех заводов, которые формально останутся в руках советского государства.

В области аграрной политики он совершенно ясно ставил вопрос о том, что колхозы надо будет распустить, и выдвигал мысль о предоставлении тракторов и других сложных с.-х. машин единоличникам для возрождения нового кулацкого слоя. Наконец, совершенно открыто ставился вопрос о необходимости возрождения частного капитала в городе. Ясно было, что

шла речь о реставрации капитализма.

В области политической новой в этом письме была постановка вопроса о власти. В письме Троцкий сказал: ни о какой демократии речи быть не может. Рабочий класс прожил 18 лет революции, и у него апетит громадный, а этого рабочего надо будет вернуть частью на частные фабрики, частью на государственные фабрики, которые будут находиться в состоянии тяжелой конкуренцией с иностранным капиталом. Значит, будет крутое ухудшение положения рабочего класса. В деревне возобновится борьба бедноты и середняка против кулачества. И тогда, чтобы удержаться, нужна крепкая власть, независимо от того, какими формами это будет прикрыто. Если хотите аналогий исторических, то это будет аналогия с властью Наполеона I, «это будет бонапартистская власть». «Продумайте эту аналогю»,—писал Троцкий. Он отдавал себе отчет в том, что хозяином положения, благодаря которому блок может прийти к власти, будет фашизм,—с одной стороны, германский фашизм и военный фашизм другой—дальневосточной—страны.

А новым в практических выводах было то, что придется согласовать специально эту деятельность, касающуюся вредительства, с тем партнером, при помощи которого блок только и может прийти к власти.

Было еще одно очень важное в этой директиве, а именно—формулировка, что неизбежно выравнивание социального строя СССР с фашистскими странами-победителями, если мы вообще хотим удержаться. Вот эта идея выравнивания, которая была псевдонимом реставрации капитализма, и была тем специфически новым, что бросилось сразу нам в глаза.

Вышинский.— Значит, если коротко суммировать содержание этого письма, то к чему сводятся основные пункты?

Радек.— Мы оставались на позиции 1934 года, что поражение неизбежно.

Вышинский.— И какой отсюда вывод?

Радек.— Вывод из этого неизбежного поражения тот, что теперь открыто был поставлен перед нами вопрос о реставрации капитализма.

Вышинский.— Значит, эта реставрация капитализма, которую Троцкий называл выравниванием социального строя СССР с другими капиталистическими странами, мы считали как неизбежный результат соглашения с иностранными государствами?

Радек.— Как неизбежный результат поражения СССР, его социальных последствий и соглашения на основе этого поражения.

Вышинский.— Дальше?

Радек.— Третье условие было самым новым для нас—поставить на место советской власти то, что он называл бонапартистской властью. А для нас было ясно, что это есть фашизм без собственного финансового капитала, служащий чужому финансовому капиталу.

Прод. в сл. номере

Отв. ред. В. В. СПЕШКОВ.